

Р. И. Беккин

ИСЛАМСКАЯ МОДЕЛЬ БЕСПРОЦЕНТНОЙ ЭКОНОМИКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В священных текстах всех трех монотеистических религий (иудаизма, христианства и ислама) осуждается взимание и предоставление ссудного процента. Однако только мусульманское сообщество в наши дни сохранило последовательное неприятие ссудного процента, в то время как общественные системы, в которых основной религией является иудаизм и христианство, поэтапно пришли к фактической легализации многих операций, считавшихся прежде ростовщическими.

Ко времени начала проповеди Пророка Мухаммада арабы были хорошо знакомы с ростовщической практикой благодаря своим ближневосточным соседям. Мекка, находящаяся на пересечении караванных путей, была одним из крупнейших торговых центров на Ближнем Востоке.

В Коране слово «*риба*» (в букв. переводе с арабского – приращение) встречается 8 раз, всего же стихов, имеющих отношение к *риба*, в Священной Книге насчитывается 12.

Риба категорически осуждается Кораном: «Те, которые пожирают рост, восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это – за то, что они говорили: “Ведь торговля – то же, что рост”. А Аллах разрешил торговлю и запретил рост» (2:275)¹. Однако, несмотря на разграничение торговых и ростовщических операций, в Священной Книге не дается самого определения понятия «*риба*», содержатся лишь косвенные указания на одну из популярных в ту эпоху форм ростовщичества – удвоение суммы долга в обмен на отсрочку его выплаты: «О вы, которые уверовали! Не пожирайте роста, удвоенного вдвойне...» (3:130).

В качестве примера в Коране указывается на деловое поведение иудеев, практиковавших финансовые операции на основе *риба*, в том числе и на Аравийском полуострове: «...Мы запретили им (иудеям) блага, которые были им разрешены, и за отвращение ими многих от пути Аллаха, и за то, что они брали рост, хотя это было им запрещено, и пожирали имущество людей попусту, Мы и приготовили неверным из них мучительное наказание» (4:160–161).

Ренат Ирикович БЕККИН — преподаватель кафедры ЮНЕСКО МГИМО (У) МИД РФ (с 2003 г.). В 2000 г. окончил МГИМО (У) МИД РФ. Основные направления научных исследований — исламская экономика, мусульманское право, исламоведение.

Не исключено, что некоторые сподвижники Пророка, среди которых было немало торговцев, до ниспослания *айатов*, запрещающих *риба*, практиковали некоторые ростовщические операции. Об этом свидетельствуют предания, в которых *риба* упоминается в связи с именем ал-'Аббаса б. 'Абд ал-Мутталиба – дяди Пророка. Так, в *хадисе*, приведенном в «ас-Сахихе» Муслима, Пророк сказал: «*Риба* времен *джахилийи* отменена. Первая *риба*, которую я отменяю, это наша собственная *риба*, которую мы должны Ибн 'Абд ал-Мутталибу. Она (с этого момента) полностью отменена»².

Мусульманские авторы спорят, о какой форме *риба* идет речь. По-видимому, в *хадисе* имеется в виду довольно распространенная в те времена практика удвоения суммы долга в обмен на отсрочку его возврата³ или же заранее установленная в договоре надбавка к основной сумме долга.

Не исключено, что тот тип ростовщичества, о котором говорится в цитируемом *хадисе*, сочетал в себе оба признака: условие о выплате процентов и одновременно оговорку о том, что в случае невозврата долга в срок его сумма увеличивается вдвое. Обе указанные разновидности ростовщичества характеризуются мусульманскими правоведом как один из двух известных в Средние века типов *риба* – *риба ан-наси'а* (долговая *риба*).

В широком значении *риба ан-наси'а* присутствует в кредитном договоре и означает любую надбавку к основной сумме долга, получаемую займодавцем в качестве одного из условий предоставления средств в долг на определенный срок. Кроме того, *риба ан-наси'а* может означать надбавку к основной сумме долга, выплачиваемую в обмен на отсрочку платежа: «Пророк запрещал (вновь) продавать (товар, в отношении оплаты которого ранее уже была предоставлена отсрочка платежа, но который не был оплачен) в долг на новый срок под проценты»⁴. Вклады в банк и получение по ним процентов, а также использование банковских кредитов с последующей выплатой по ним процентов относятся к *риба ан-наси'а*.

В более узком значении понятие «*риба*» использовалось арабами в доисламскую эпоху, но, в отличие от *риба ан-наси'а*, не именовался *рибой*.

Риба ал-фадл имеет место при бартерном обмене одной партии одного и того же товара на другую, более низкого качества в неравной пропорции и не одновременно. В число таких товаров, согласно *хадисам*, входят: золото, серебро, пшеница, ячмень, финики, соль⁵. Впоследствии, по мнению большинства правоведов, *риба ал-фадл* – это любое несоответствие в количестве и качестве при обмене однородных товаров друг на друга.

То же самое, но с некоторыми оговорками можно сказать и о золотых и серебряных монетах. Монеты (прежде всего золотые) в первые годы *хиджры* и значительное время после выступали зачастую не как средство обращения, а как товар, и их стоимость определялась не по номиналу, а по весу⁶. Объясняется это тем, что качество таких монет было невысоким, и по мере долгого нахождения в обращении их вес мог изменяться. Так, например, официально установленный вес *дирхама* колебался от 2,8 до 3,1 г⁷.

Единственный из сподвижников Пророка, кто, согласно преданию, считал *риба ал-фадл* дозволенной, был Ибн 'Аббас, который ссылался на *хадис*, переданный Усамой б. Зайдом, где говорилось, что *риба* – это только *риба ан-наси'а*⁸. Однако, как свидетельствуют некоторые авторы, впоследствии Ибн 'Аббас отказался от своего мнения по этому вопросу⁹.

В наши дни получила распространение другая, более простая классификация *рибы*: ссудная *риба* (*риба ал-дуйун*) и торговая *риба* (*риба ал-буйу'*).

Ссудная *риба* включает в себя две формы *риба ан-наси'а*. К торговой же *рибе* относится как *риба ан-наси'а*, так и *риба ал-фадл*. Например, если кто-то меняет килограмм

ячменя на другой килограмм ячменя, и имеет место отсрочка, то можно говорить о *риба ан-наси'а*. Если же в обмен на килограмм ячменя кто-то получает, скажем, один килограмм и сто граммов ячменя, то перед нами *риба ал-фадл*. Оба типа *риба* могут сочетаться в одном и том же договоре продажи. Например, если кто-то меняет один килограмм ячменя на ячмень весом килограмм и сто граммов, причем получает все это не сразу, а через несколько месяцев.

Однако коранические предписания относительно запрета *риба* и *хадисы* Пророка не сняли всех вопросов, связанных с ростовщичеством. Сразу после смерти Мухаммада сподвижники не могли дать однозначного ответа, подпадают ли некоторые операции под категорию ростовщических или нет.

Например, можно ли получать в качестве платы за золотое украшение золотые монеты или слитки? Должны ли при этом золотые монеты весить столько же, сколько золотое украшение? Распространяется ли запрет *риба ал-фадл* только на шесть перечисленных в *хадисах* товаров (золото, серебро, пшеница, ячмень, финики и соль) или же относится и к другим товарам? и т. п.

И все-таки ключевая проблема при интерпретации коранического запрета *риба* в Новейшее время, когда бартерные сделки стали достоянием истории в большинстве уголков земного шара, заключается в следующем: любой ли ссудный процент можно рассматривать как ростовщичество?

Дискуссии по этому вопросу не утихали в течение всего XX в. – времени, когда перед мусульманским миром ребром встал вопрос, что делать с учреждавшимися то тут, то там многочисленными банками и другими финансовыми институтами в свете исламского запрета ростовщичества? Имеют ли право мусульмане заключать с такими структурами договоры и вообще каким бы то ни было образом участвовать в их деятельности? Первой широко известной *фетвой*, сужавшей рамки понятия «*риба*», была *фетва* Верховного муфтия Египта Мухаммада 'Абду. Мухаммад 'Абду назвал операции, осуществляемые появившимися на рубеже XIX и XX столетий в Египте сберегательными фондами, которые были учреждены правительством и работали на процентной основе, как соответствующие механизму *мудароба*¹⁰. После смерти 'Абду его ученик Мухаммад Рашид Рида развил идеи учителя, считая, что почтовая администрация – инициатор создания подобных фондов – является мощной правительственной структурой и способна надлежащим образом распорядиться аккумулированными средствами в интересах как вкладчиков, так и государства. Вместе с тем позднее Рида признавал, что 'Абду был удручен стремительно возрастающим значением банков в экономической жизни Египта¹¹.

В новом столетии много шума наделала изданная в декабре 2002 г. знаменитая *фетва* Академии исламских исследований под председательством Верховного шейха ал-Азхара (с 1996 г.) и по совместительству главы Академии Мухаммада Саййида Тантави, в которой вложение средств и получение по ним процентов объявлялись дозволенными с точки зрения шариата (20 голосов – за, 1 – против)¹². *Фетва* была выпущена по запросу Председателя Совета директоров «Араб Бэнкинг Корпорейшн», интересовавшегося, соответствует ли практика корпорации по привлечению средств клиентов и выплате процентов¹³ по ним в оговоренные сроки шариату?

По мнению Тантави, организация, аккумулируя средства клиентов и затем инвестируя их, выполняет агентские функции. Таким образом он признал возникающие между корпорацией и клиентами отношения разновидностью договора *мудароба*. К слову сказать, Танатави был не первым, кто фактически ставил знак равенства между *мударобой* и договорами, содержащими элемент ростовщичества. Помимо упоминавшегося Мухам-

мада 'Абду, другой известный египетский правовед 'Абд ал-Ваххаб Халлаф уподоблял традиционный договор страхования жизни исламскому договору *мудараба*. По мнению шейха, в договоре страхования, как и в договоре *мудараба*, страхователь вносит свой капитал, а страховая компания – свой труд¹⁴.

Фетва ал-Азхара 2002 г. была подвергнута резкой критике со стороны богословов и правоведов в разных частях мусульманского мира как по формальным признакам, так и по существу. С формальной точки зрения такие важные решения должны приниматься посредством *иджма'* (консенсуса) авторитетных мусульманских ученых (а не только египетских). Критики *фетвы* указывали на то, что среди членов Академии, обсуждавших *фетву*, не было компетентных ученых¹⁵.

Что касается содержательной части, то критике подверглось фактическое уподобление договора банковского вклада договору *мудараба*. Главное отличие *мудараба* от договора банковского вклада – разделение риска между инвестором и управляющим капиталом, в то время как в договоре банковского вклада вкладчик не рискует капиталом, ожидая заранее оговоренной прибыли¹⁶.

Помимо Египта довольно мощное реформистское течение, выступавшее за легализацию ссудного процента, было и в Индии. Одним из наиболее активных сторонников легализации ссудного процента был мусульманский реформатор Ахмад Хан (1817–1898).

В Османской империи благоприятная почва для появления коммерческих банков была создана так называемыми наличными *вакфами*, главное отличие которых от традиционных *вакфов* заключалось в том, что денежные средства, переданные в *вакф*, размещались под проценты. Последние выступали как гарантия сохранности капитала и шли в пользу бенефициаров.

Однако, несмотря на попытки отдельных правоведов легализовать с помощью различных уловок ростовщичество, большинство мусульманских юристов в современном мире придерживается точки зрения, что любой ссудный процент запрещен в исламе.

Между тем, хотя существует единство мнений относительно вопроса о том, какие виды транзакций подпадают под коранический запрет *риба*, среди мусульманских правоведов сохраняются разногласия по вопросу соответствия шариату некоторых договоров, используемых исламскими финансовыми институтами. Много споров вызвал, в частности, договор *мурабаха*.

В последние годы появились исследования, в которых авторы выступают за отказ от двойных стандартов и призывают называть вещи своими именами. Иными словами, предлагается перестать прикрывать взимание фиксированного процента в договоре купли-продажи по согласованной (повышенной) цене арабскими терминами (*мурабаха*) и признать процент в договоре купли-продажи, где товар продается в рассрочку с наценкой, легитимным с точки зрения шариата¹⁷.

Вопрос о терминах имеет принципиальное значение. Большинство мусульманских правоведов предпочитает использовать более известную и понятную им шариатскую терминологию¹⁸. В то же время западные исследователи выступают за универсализацию терминологии там, где это предоставляется возможным¹⁹.

Однако в наши дни человеку, даже верующему, не всегда достаточно, пусть и безупречных с точки зрения логики, богословско-правовых заключений. Современный человек требует рационального объяснения многих запретов, содержащихся в Коране и *сунне*. Поэтому в последние годы в *фетвах* мусульманских правоведов все чаще появляются рациональные доводы в пользу запрета ссудного процента, с которыми согласны многие западные экономисты прошлого и современности.

В западной экономической науке Нового времени одним из наиболее активных критиков системы ссудного процента был утопический социалист П. Ж. Прудон (1809–1865). Не видя принципиальных различий между деньгами и другими товарами, Прудон рассматривал свойство золота и серебра служить в качестве всеобщего эквивалента условной функцией. Ученый резко критиковал процент, считая его основной формой эксплуататорского дохода. При отсутствии процента рабочие могли бы выкупить продукт своего труда у капиталиста.

Значительный вклад в изучение вопроса о негативном влиянии ссудного процента на экономическое развитие внес немецкий бизнесмен из Буэнос-Айреса Сильвио Гезелл (1862–1930), автор таких работ, как «Реформа монетного дела как путь к социальному государству», «Новое учение о проценте» и главного труда своей жизни – книги «Естественный экономический порядок». Научные труды Гезелла высоко ценил Дж. М. Кейнс²⁰.

Анализируя, почему иногда его товары продавались быстро и по высокой цене, а временами очень медленно, Гезелл пришел к выводу, что причина кроется не в законах соотношения спроса и предложения, а в цене денег на денежном рынке. Рост покупательской активности наблюдался, когда процентные ставки были низкими, в то же время при росте процентных ставок у бизнесмена возникали проблемы с реализацией товара.

В итоге Гезелл сделал вывод о необходимости создания системы, при которой деньги подобно другим товарам и услугам требовали бы складских расходов – около 5% годовых. Иными словами, для того чтобы вернуть деньги в оборот, необходимо было бы платить государству определенную сумму за пользование ими.

Главный позитивный результат от предложенной им теории естественного экономического порядка Гезелл видел в избавлении экономики от неравномерного развития, порождаемого денежными спекуляциями. Деньги, свободные от процентов, Гезелл имел в виду «свободными деньгами».

Несмотря на утопичный, на первый взгляд, характер теории Гезелла, его последователи попытались применить это учение на практике. В австрийском городе Вергль в середине 1930-х годов магистратом с согласия горожан были введены так называемые свободные (беспроцентные) шиллинги, обеспеченные аналогичной суммой в настоящих австрийских шиллингах, размещенных в банке. Была установлена плата настоящими шиллингами за пользование беспроцентными деньгами в размере 12% годовых (1% в месяц). Плата взималась в виде марки, которая приклеивалась плательщиком на обратной стороне банкноты. При отсутствии марки банкнота считалась недействительной. В итоге жители города стремились поскорее потратить попавшие к ним в руки беспроцентные деньги. Даже налоги выплачивались заблаговременно.

Однако Национальный банк Австрии увидел во введении беспроцентных шиллингов покушение на свои монопольные права – прежде всего, на право эмиссии денег. Поэтому, несмотря на интерес к опыту Вергля по всей стране и за ее пределами (в США), эксперимент был приостановлен.

Идеи Гезелла развил японский ученый Йошито Отани, который предлагал более технологичный способ введения беспроцентных денег – не путем наклеивания марок, а посредством взимания платы за средства, размещенные на счетах²¹.

Значительный вклад в развитие теории беспроцентных, или нейтральных, денег внесла немецкий архитектор и экономист-дилетант М. Кеннеди, опубликовав книгу «Деньги без процентов и инфляции: Как создать средство обмена, служащее каждому»²². М. Кеннеди видела успех реализации идеи беспроцентных (нейтральных) денег в проведении не только денежной, но и земельной и налоговой реформ.

В XX в. в западной экономической науке сторонники кредитно-денежной теории кризисов (Л. Минтс, Г. Симонс и др.) и психологической теории кризисов Кейнса, рассматривая причины экономических кризисов, анализировали влияние денежно-кредитных факторов на процесс воспроизводства. Однако они так и не смогли полностью оценить разрушительные последствия системы, основанной на ссудном проценте, ограничиваясь критикой денежно-кредитной политики отдельных государств²³.

С точки зрения марксизма образование финансового капитала наряду с ростом господства монополий рассматривается как причина углубления кризисов в эпоху империализма, а западные концепции, делающие акцент на денежно-кредитной политике как первопричине многих кризисов, подвергались не вполне обоснованной критике²⁴.

В современной научной литературе, в том числе западной, давно уже перестали быть редкостью работы, в которых затрагивается проблема разрушительного воздействия ссудного процента на экономическое развитие общества²⁵. Между тем большинство западных авторов все еще придерживается тезиса о важности и незаменимости ссудного процента в экономических отношениях, несмотря на вполне убедительные доводы в пользу того, что подобная практика приводит к нерациональному использованию ресурсов.

Исламская же экономическая наука, опираясь на выводы мусульманских правоведов, не имеет ничего против так называемой естественной процентной ставки, или чистой производительности капитала, выраженной в процентах и находящейся в прямой зависимости от прибыльности инвестиций, в отличие от рыночной процентной ставки, которая зависит от целого ряда факторов, таких как рост денежного предложения и формирование кредитных ресурсов банков.

Проводимая во многих странах экономическая политика, вдохновленная трудами ангажированных и не всегда компетентных экономистов, отражается и на идеалах общества. Героем нашего времени выступает финансовый спекулянт, занятый обменом ничем не обеспеченных финансовых инструментов на реальные ценности. В результате реальная экономика вынуждена подчиняться ирреальным схемам финансовых трансакций. По оценкам Международного банка реконструкции и развития, только двадцатая часть денежной массы подкреплена реальными активами, а 95% всех денежных трансакций являются чисто спекулятивными²⁶. Не вызывает сомнения, что подобные тенденции чреваты серьезными кризисами в масштабах всего мирового экономического сообщества.

К сожалению, для среднестатистического гражданина – потребителя различных финансовых услуг негативные последствия влияния ссудного процента не всегда очевидны. Индивиду зачастую видна лишь малая часть айсберга. Ему кажется, что проценты – это плата банкам за кредиты на покупку квартиры, машины, дачи, музыкального центра, получение образования и т. п.; и вознаграждение от тех же банков за использование его средств, размещенных на депозите²⁷.

Такой гражданин считает, что если он откажется, например, от потребительских кредитов и не будет размещать депозиты в банках, то тем самым сможет избежать участия в процентных операциях и влияния процентной экономики на его жизнь. Ему неизвестно, что в цену любого приобретаемого товара или услуги заложена плата за используемый их производителем кредит – иначе говоря, проценты. Получивший кредит бизнесмен закладывает в цену конечного продукта величину, призванную компенсировать выплаты по процентам. Таким образом, цена товаров и услуг возрастает (иногда существенно – в зависимости от процентной ставки по полученному бизнесменом кредиту), и происходит ничем не оправданная растрата части добавленной стоимости²⁸. Так, например, в

среднем доля процентов или капитальных затрат для цен на товары и услуги повседневного спроса может достигать 50%.

При этом, если для обычных товаров цена является выражением их стоимости, то для капитала, предоставляемого в ссуду, такое определение неверно в принципе, поскольку процент не является денежным выражением стоимости и сам ссудный капитал уже выражен в денежной форме. Не случайно Маркс считал выражение «процент как цена капитала» совершенно иррациональным²⁹.

Выше уже упоминался потребительский кредит, т. е. кредит, суть которого состоит в отсрочке платежа за товары лицам, купившим данные товары для потребления. С середины XX в. в мире наблюдается все большее распространение данной формы кредита, в результате чего все больше людей пополняет армию должников. Так, за 2005 г. задолженность населения США по потребительским кредитам выросла на 1,9 % (на 3,3 млрд долл.), всего же долг по потребительским кредитам по стране составляет по данным на февраль 2006 г. 2,16 трлн долл.³⁰

В то же время на выплаты по потребительскому кредиту и другой личной задолженности, превышающие ВВП страны, в первом квартале 2005 г. американцы израсходовали 13,4% от личных доходов³¹. Рост потребительского спроса, при котором текущие расходы не соответствуют реальным возможностям, докатился и до России: по данным на 2005 г., 20% россиян тратят на погашение кредитов до 26% семейного бюджета³².

Несвоевременное погашение долга по кредиту приводит к штрафам и еще большей задолженности. Жилье в долг становится неотъемлемой частью образа жизни современного человека. Человек, опутанный долгами, живет в страхе лишиться работы и стать нетрудоспособным, рискует оказаться на улице и потерять все, что у него было. Собственно, процент, получаемый банком, это тоже своего рода плата за страх, только со стороны банка³³. Напрашивается естественный вопрос: какие перспективы могут ждать общество, где поведение участников экономических отношений мотивируется страхом?

Но банкам, работающим на рынке потребительского кредитования, мало тех высоких процентов, которые они получают с клиентов на волне эпидемии шоппинга, поразившей западный мир без какой бы то ни было надежды на выздоровление. Рекламные проспекты, рассказывающие о низких процентах по потребительским кредитам или же об отсутствии таковых, зачастую, пользуясь финансовой неискушенностью покупателей, вводят их в заблуждение и вынуждают попадать в еще большую долговую зависимость, чем они могут себе представить.

Впрочем, даже если согласиться с принятым в повседневном деловом обороте условным делением кредитов на ростовщические (чрезмерные) и нормальные, различающиеся по субъектам кредитования и процентной ставке, необходимо признать, что первые все еще не утратили своего значения и в XXI в. Для бедных слоев населения, чья платежеспособность весьма низка, вызывает сложности получение кредита в банках. Единственным способом для них найти необходимую сумму на потребительские нужды являются ростовщические кредиты, предоставляемые ломбардами, ссудными конторами и подобными им учреждениями. Так, например, в США проценты по ссудам на товары, покупаемые в кредит у специализирующихся на этом магазинов, могут достигать до 300% в год, а по ссудам, выдаваемым кредитными конторами (квазибанковскими организациями) на незначительный срок (как правило, до зарплаты) – до 3000 %³⁴!

Но не только коммерческие банки, ломбарды и другие структуры пользуются неискушенностью большинства граждан в финансовых вопросах в своих интересах. Хорошим примером эксплуататорской сущности ссудного процента являются государственные

кредиты, или займы, где государство выступает в качестве заемщика. С целью покрытия дефицита государственного бюджета многие государства и в наши дни вынуждены обращаться за кредитами к юридическим и физическим лицам. При этом даже если часть средств, привлеченных посредством государственных займов, идет на социальные нужды, государство очень скоро сталкивается с проблемой погашения своей задолженности, которая растет как снежный ком благодаря начислению процентов³⁵. В итоге государство вынуждено зачастую повышать налоги, которые наносят удар прежде всего по бедным слоям населения. В выигрыше оказывается лишь небольшая группа финансистов, обладающих львиной долей облигационных займов.

Куда опаснее, когда целые государства превращаются в безнадежных должников, не имеющих возможности погасить не только внутренний, но и внешний долг. Получая процентные кредиты, бедные государства становятся не только не богаче, но часто еще беднее. Значительную часть национального дохода они вынуждены тратить на обслуживание своего долга перед богатыми странами. Единовременные списания долгов не решают проблемы: очень скоро задолженность стран третьего мира достигает прежнего уровня³⁶.

Невозможность некоторых государств обслуживать свой внешний долг нередко приводила к жестким финансовым кризисам – еще одному характерному проявлению негативного влияния ссудного капитала на экономическое развитие. Среди стран, доведенных до кризиса долговой зависимостью, можно назвать Мексику (1994), Аргентину (2002), Уругвай (2003) и др.

Серьезный удар по экономикам ряда стран в наши дни наносят валютные спекуляции. Так, некоторые банки, работающие на межбанковском валютном рынке FOREX, до 60 % своей прибыли получают от валютных спекуляций³⁷.

Жертвами валютных спекулянтов в большей или меньшей степени стали все страны Юго-Восточной Азии (ЮВА). В значительной мере от действий валютных и других финансовых спекулянтов пострадала Малайзия. Однако прежде, играя на понижение, валютные спекулянты обрушили курс таиландской валюты – *бата*. Затем настала очередь валют других стран ЮВА. 27 октября 1997 г. известен как «черный» день для фондового рынка стран Юго-Восточной Азии и Восточной Азии. В этот день гонконгский индекс Hang Seng упал в два раза.

Безусловно, в произошедшем есть и вина центральных банков, пострадавших от валютных спекулянтов стран. Так, в Малайзии для борьбы с инфляцией Центробанк страны в начале 1990-х годов проводил политику сокращения спроса на деньги за счет роста процентной ставки. В результате Малайзия стала лакомым кусочком для краткосрочных инвесторов из тех стран, где процентная ставка была ниже. В страну хлынули потоки капиталов, значительно увеличилась денежная масса.

Однако не все страны сделали правильные выводы из кризиса. Так, Бразилия в соответствии с рецептами МВФ взяла на себя обязательство неограниченно поднимать процентные ставки и применять любые меры, позволяющие сдерживать инфляцию на уровне 10%. Первыми, кто пострадал от такой антиинфляционной политики, были беднейшие слои населения.

В Малайзии же приток иностранных капиталов был ограничен долгосрочными проектами в реальном секторе. Кроме того, правительство приняло ряд мер, позволивших смягчить негативное влияние кризиса на экономику страны.

Ссудный процент является спутником централизации капитала и монополизации. На протяжении всего XX в. масса ссудных капиталов неуклонно превышает денежную массу.

Сами же банки давно уже не довольствуются чисто техническими функциями. Происходит то, о чем писал еще Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»: «...банки перерастают из скромной роли посредников в всемогущих монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и целом ряде стран»³⁸.

В условиях сращивания банковского капитала с промышленным отдельные крупные предприятия имеют возможность получать значительные суммы на проекты, которые не всегда способны приносить прибыль. Кроме того, рассчитывая на платежеспособность крупных предприятий, банки охотнее предоставляют им кредиты, чем мелким и средним производителям, чья платежеспособность не столь очевидна. При этом банк совершенно не интересуется, кто более рационально может распорядиться предоставленным кредитом: крупный или мелкий собственник. Определяющим критерием для банка является платежеспособность заемщика, способность его вне зависимости от успеха проекта вернуть долг с процентами³⁹. Процент здесь выступает как количественное выражение риска той или иной трансакции («плата за страх» в терминологии Кейнса). За счет широкого использования кредита крупные предприятия успешно вытесняют с рынка средних и мелких конкурентов.

В итоге, не имея возможности участвовать в процессе производства, мелкие и средние предприниматели вынуждены искать способы применения имеющемуся у них капиталу и постепенно превращаются в рванье. Получается замкнутый круг. Недаром влияние ссудного процента на благосостояние и экономическое развитие общества сравнивают с воздействием пораженных раком клеток на весь организм⁴⁰ или распространением ВИЧ⁴¹.

В этом контексте утверждения исламских экономистов о том, что норма прибыли, в отличие от процентной ставки, представляет собой более эффективный и рациональный механизм распределения ресурсов⁴², позволяющий противостоять многим негативным тенденциям современной экономики (монополизация, увеличение пропасти между богатыми и бедными, финансовые кризисы и др.) заслуживают самого серьезного внимания и изучения.

Некоторые исследователи видят выход в закреплении у участников экономических отношений внутренней установки на соблюдение определенных этических стандартов, что позволило бы, по их мнению, хотя бы частично решить проблему обеспечения равного доступа к ресурсам и потребительским товарам⁴³.

По нашему мнению, в сложившихся условиях данное предложение можно рассматривать как программу-минимум, необходимую для предотвращения экономического коллапса, причиной которого могут послужить использование ссудного процента и валообразный рост спекулятивных трансакций. В качестве же программы-максимум, как нам представляется, единственно адекватным создавшейся проблеме решением будет использование методов финансирования из арсенала исламской экономической модели.

¹ *Сунна* также содержит жесткие и бескомпромиссные высказывания о *риба*. Например, в одном из *хадисов* Пророк сказал, что ростовщичество в 36 раз опаснее для общества, чем супружеская измена. За последнюю, как известно, предусмотрена смертная казнь в виде побивания камнями (*раджм*). Однако за ростовщичество, несмотря на его общественную опасность, наказание предусмотрено только в будущей жизни.

² *Siddiqi M. N. Riba, Bank Interest and the Rationale of Its Prohibition*. Jeddah, 2004. P. 38–39.

³ Если предметом долга выступал верблюд, то после подобной отсрочки должник обязан был предоставить кредитору верблюда, старшего по возрасту, чем тот, что изначально был предметом долга.

⁴ *Ал-Хафиз бин Хаджар ал-Аскалани*. Получение желаемого из источников правовых норм // Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. 1. М., 1999. С. 667.

⁵ Во времена Пророка в Аравии не было своих денег. В обращении находились византийские золотые *номисмы* (араб. *динары*) весом около 4,45 г, а также некоторое число византийских серебряных и медных монет и персидские серебряные *драхмы* (араб. *дирхамы*) весом около 4 г. Однако золота и серебра не было в достаточном количестве, особенно в сельской местности, поэтому таким товарам, как пшеница, ячмень, финики и соль приходилось выполнять, по меньшей мере, две функции денег: выступать как средство обращения и мера стоимости. Взяв за образец византийские монеты, мусульманское государство стало чеканить собственные деньги (*дирхамы*) с надписями на арабском языке с 18 г. *хиджры* (639 г. н. э.). Однако и византийские *динары* (*номисмы*), и персидские *дирхамы* продолжали оставаться в обращении и выполнять роль основной валюты вплоть до денежной реформы 'Абд ал-Малика ибн Марвана, начатой в начале 690-х годов и завершенной к 696–97 гг. Самый ранний *динар* с именем 'Абд ал-Малика относится к 695–696 гг.

⁶ *Udovitch A.* Reflections on the Institutions of Credit and Banking in the Medieval Islamic Middle East // *Studia Islamica*. 1975. Vol. 41. P. 14 (цит. по: *Siegfried N. A.* Concepts of Paper Money in Islamic Legal Thought // *Arab Law Quarterly*. 2001. Vol. 16. N 4. P. 320).

⁷ *Grohmann A.* Einführung und Chrestomathie zur arabischen Papyruskunde. Prague, 1955. P. 143–145 (цит. по: *Siegfried N. A.* Concepts of Paper Money in Islamic Legal Thought. P. 320).

⁸ Сахих аль-Бухари / Пер. В. А. Нирша. М., 2003. С. 374.

⁹ *Takmilat al Majmou, Sharh Al-Muhathab by Al-Subky*. Vol. 1. P. 31–34 (цит. по: *Hassan Abdullah Al Amin*. Shari'ah Ruling (Hukm) on Contemporary Banking Transactions with Interest. Jeddah, 2000. P. 24).

¹⁰ *Chibli Mallat*. Tantawi on Banking Operations in Egypt (www.globalwebpost.com).

¹¹ *Ibid.*

¹² Текст *фетвы* на арабском языке и ее английский перевод приведен в статье: *Mahmoud A. El-Gamal*. «Interest» and the Paradox of Contemporary Islamic Law and Finance. 2004. P. 43–45 (www.ruf.rice.edu/~elgamal/files/interest.pdf).

¹³ Автор вопроса, конечно же, употреблял слово «прибыль» вместо процентов.

¹⁴ *Гариб ал-Джамал*. Ат-Та'мин фи-ш-шари'а ал-исламийа ва-л-канун. Каир, 1975. С. 213. Подробнее о взглядах мусульманских правоведов на коммерческое страхование см.: *Беккин Р. И.* Страхование в мусульманском праве: теория и практика. М., 2001.

¹⁵ *Mufti Taqi Usmani*. Al-Azhar Fatwa Declaring Interest Permissible? (www.iiie.net).

¹⁶ Один из ярких примеров *фетв*, критикующих уподобление Тантави отношений вкладчика и банка отношениям принципала и агента, является *фетва* Института исламского *фикха* (Катар). С текстом *фетвы* на английском языке можно ознакомиться по адресу: www.ruf.rice.edu/~elgamal/files/interest.pdf. Кроме того, критику указанной точки зрения можно найти в работах: *Siddiqi M. N.* Riba, Bank Interest and the Rationale of Its Prohibition. P. 63; *Mahmoud Abu-Saud*. Contemporary Economic Issues: Usury and Interest. Cincinnati, 1986. P. 21–22; и др.

¹⁷ *Rafic Yunus al-Masri*. Are All Forms of Interest Prohibited? // *Journal of King Abdulaziz University: Islamic Economics*. 2004. Vol. 17. N 1. P. 37–40.

¹⁸ В Постановлении 96 (4/10) Совета Исламской академии правоповедения (*фикха*), в частности, рекомендовалось: «Отдавать предпочтение терминам, соответствующим шариату, что обеспечит гармонизацию их словесной формы и фактического содержания и правильное применение положений шариата. Уточнить значение современных экономических терминов, привести их в соответствие с дефинициями мусульманского права (*фикха*), составляющими историческое наследие мусульманского сообщества (*уммы*) и понятийную основу шариата» (Постановления и рекомендации Совета Исламской академии правоповедения (*фикха*) – *фетвы* / Пер. М. Ф. Мургазина. М., 2003. С. 222–223).

¹⁹ В отечественной науке подобную точку зрения отстаивает специалист по исламскому банковскому делу А. Ю. Журавлев.

²⁰ *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег / Пер. с англ. А. Г. Милейковского, И. М. Осадчей. М., 1978. С. 427–432.

²¹ *Yoshito Otani*. Ursprung und Lösung des Geldproblems. Neu-Ulm, 1981.

²² *Кеннеди М.* Деньги без процентов и инфляции: Как создать средство обмена, служащее каждому / Пер. Л. Кальмер. Висингсе, 1993 (<http://www.znanie2000.narod.ru/archove/prilog/znan252pl.pdf>).

²³ Некоторые смелые предложения западных экономистов встретили понимание у мусульманских ученых. Например, рекомендация довести процент предписываемых законом обязательных банковских резервов до 100 в целях повышения стабильности банковского сектора (*Simons H. C.* A Positive Program for Laissez Faire: Some Proposals for a Liberal Economic Policy. Chicago, 1934).

²⁴ Подобное об этом см.: *Брефель Э. Я.* Политическая экономия капитализма. М., 1968. С. 451–458.

²⁵ *Enzler J., Conrad W., Johnson L.* Public Policy and Capital Formation // *Federal Reserve Bulletin*. 1981 Oct. P. 759; *Кеннеди М.* Указ. соч.; *Ларуш Л. Х.* Вы на самом деле хотели бы знать все об экономике? М., 1993; *Abdel Hamid El-Ghazali*. Profit Versus Bank Interest in Economic Analysis and Islamic Law. Jeddah, 1994. P. 17; и др.

- ²⁶ *Химо Б.* Исламская альтернатива ссудному проценту // Исламские финансовые отношения и перспективы их осуществления в российском мусульманском сообществе. М., 2004. С. 112.
- ²⁷ Как известно, даже незначительные сбережения рядовых вкладчиков, размещенные на депозитах в кредитных учреждениях, превращаются в ссудный капитал.
- ²⁸ *Журавлев А.Ю.* Концептуальные начала исламской экономики // Исламские финансы в современном мире / Под ред. Р. И. Беккина. М., 2004. С. 31.
- ²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения. Т. 9. Ч. 1. М., 1988. С. 347.
- ³⁰ <http://bankir.ru/news/newsline/14.02.2006/46727>
- ³¹ Потребительские долги превышают ВВП так же в таких странах, как Англия и Япония.
- ³² *Каледина А., Старостина Н.* Россияне «увязли» в долгах // Известия. 2005. 19 июля (www.izvestia.ru/economic/article2254055/).
- ³³ *Журавлев А. Ю.* Указ. соч. С. 30.
- ³⁴ *Lewison M.* Conflicts of Interest? The Ethics of Usury // Journal of Business Ethics. 1999. Vol. 22. P. 328.
- ³⁵ К примеру, внутренний долг США превышает 60% ВВП и растет в среднем со скоростью 0,45 млрд долл. в день, по данным на октябрь 2006 г. (www.publicdebt.treas.gov/opd/opdpdodt.htm).
- ³⁶ Так, например, после реструктуризации долга большинства беднейших стран в соответствии с «планом Брейди» в начале 1990-х годов, к 1998 г. отношение долга к ВВП в этих странах вновь достигло прежних высоких показателей (в Мозамбике – 210,8 %, в Судане – 162,5 %).
- ³⁷ *Химо Б.* Исламская альтернатива ссудному проценту // Исламские финансовые отношения и перспективы их осуществления в российском мусульманском сообществе. М., 2004. С. 111.
- ³⁸ *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 326.
- ³⁹ То есть банк, дающий бизнесмену деньги под проценты, не хочет разделить риск, связанный с возможными для бизнеса потерями, но безусловно ожидает свою долю прибыли.
- ⁴⁰ *Кеннеди М.* Указ. соч.
- ⁴¹ *Abdel Hamid El-Ghazali.* Op. cit. P. 14.
- ⁴² Справедливости ради следует сказать, что зачастую отстаивание тезиса о том, что процент способствует максимально эффективному распределению ресурсов в экономическом хозяйстве, свидетельствует не о последовательной убежденности автора, а о его некомпетентности. Прискорбно, что подобные утверждения содержатся в учебной литературе в качестве истины в последней инстанции (см., напр., учебник МГИМО (У) МИД РФ: Курс экономической теории / Под общ. ред. М. Н. Чепурина, Е. А. Киселевой. М., 2006).
- ⁴³ *Журавлев А. Ю.* Указ. соч. С. 35.

Статья поступила в редакцию 31 января 2007 г.